

Руководитель Государственного камерного хора В. Полянский.

Фото В. БОГДАНОВА

Лит. газ. - 1988. - 9 июля. - с. 8

ФОТОПОРТРЕТ 8-й СТРАНИЦЫ

Да не удивит это многих, альбом с записью «Всенощного бдения» Рахманинова прошлой зимой шел у барышников на черном рынке по 60 рублей. Как теперь выражаются, не слабо? Факт возмутительный? Бесспорно. Но спекулянтам не впервой наживаться на неповоротливости нашей промышленности. Только что это за хор, чьи записи идут нарасхват?

Впервые он зазвучал в стенах Московской консерватории в 1971 году, когда все участники были, естественно, студентами, включая его основателя и руководителя 22-летнего Валерия Полянского. Но уже в 1975-м — полный триумф на всемирно известном конкурсе полифонических хоров в Италии «Гвидо д'Ареццо»: золотая медаль победителя, «Золотой колокол» — символ лучшего хора конкурса; наконец, сам Полянский был удостоен специального приза как лучший дирижер. Однако в родной стране потребовалось еще целых пять лет, чтобы добиться признания — лишь в 1980-м коллектив получил статус профессионального и стал называться Государственным камерным хором Министерства культуры СССР. Что не менее важно, певцы стали наконец получать зарплату. До того коллектив считался любительским — при том, что в нем работали профессионалы, давно вышедшие из студенческого возраста. На голом энтузиазме работали. А еще и воевали в «инстанциях»...

— К сожалению, — говорит Валерий Полянский, — публика плохо знакома с русской хоровой классикой. Когда-то в России пели все и повсюду. Существовала масса любительских коллективов, но главное, сколько было церквей — столько хоров. Это-то в недавние времена и стало камнем преткновения: гениальная музыка оказалась забытой именно потому, что Чайковский, Рахманинов, Гречанинов, Танеев и многие-многие другие сочиняли ее для церковных хоров. Запрещая ее исполнять, мы грабили самих себя. Не хотели понимать, что церковные хоры — такое же национальное достояние, как «Слово о полку Игореве» или сочинения протопопа Аввакума. Мы и решили возродить этот пласт культуры.

Одни из первых за долгие годы мы исполнили «Всенощное бдение» Рахманинова, Литургию Чайковского; занялись творчеством современника Пушкина — замечательного, незаслуженно забытого композитора Дмитрия Бортнянского. Вообще, многое из того, что мы поем,

ранее у нас никем не исполнялось. Почему — непонятно. Почему, скажем, так долго почти не звучала музыка Шнитке? По-моему, только потому, что она слишком неординарна. И слишком гениальна.

Руководству министерства не нравились, что мы поем Бортнянского, Шнитке, Сидельникова. Меня не раз с пристрастием вопрошали: «Ну зачем тебе этот Бортнянский? Зачем тебе этот

Почем хор на черном рынке?

Шнитке?» Никогда не забуду, как на радио высокое должностное лицо выразило желание записать наш хор, но увидел репертуар... вы не поверите, спросило: «А как это может повлиять на добычу угля шахтерами Донбасса?» Запись, естественно, не состоялась. А когда мы в ноябре 1985 года в Пушкинском музее исполнили «Всенощное бдение», один из моих бывших педагогов, очень уважаемый человек, сказал: «Когда я узнал, что ты будешь исполнять «Всенощную», я думал, тебе оторвут голову».

— Что же надо сделать, чтобы хоровое пение заняло достойное место?

— Наверное, прививать к нему любовь. А для этого люди должны иметь возможность услышать все лучшее, что создано в этой области. Хор — такой инструмент, с которым вряд ли может сравниться по богатству красок, по силе эмоционального воздействия любой другой музыкальный коллектив, даже симфонический оркестр. И когда в его исполнении звучат, скажем, Чайковский или Моцарт, создается впечатление, что поет сама душа человеческая.

— Ваш хор называется камерным, хотя артистов в нем намного больше двенадцати — камерного классического. Выходит, не такой уж он камерный...

— Главная причина нашей «некамерности» — репертуар. Таким составом можно петь практически все. Кроме со-

ветских авторов, мы исполняли Вивальди, Генделя, Баха, Моцарта, Брамса, Брукнера, русскую классику — Бортнянского, Чайковского, Танеева, Рахманинова, композиторов XX века — Дебюсси, Равеля, Бриттена, Шимановского.

Вообще же у нас более 40 человек. Говорю неопределенно — «более», потому что поют практически все. Поют хормейстеры, библиотекарь. Это связа-

но с проблемами гастролей, особенно зимних: люди болеют, простужаются.

— Но тогда логично было бы набрать еще певцов?

— Нет. Иначе мы в хоре не смогли бы вести весьма кропотливую индивидуальную работу с каждым артистом, а это очень сложно при таком числе концертов. Кстати, ставки певцов очень невысокие, а нормы концертных выступлений — неразумно, варварски завышены. Они приравнены к нормам симфонических оркестров. Но если оркестру на разучивание новой программы нужны неделя-полторы, то хору — месяц-два, иногда и больше. Когда же репетировать? И еще: голосовой певческий аппарат очень и очень хрупок. Подумайте сами, насколько бережно надо к нему относиться: когда случается какое-то несчастье у артистов оркестра — например, у скрипача летят струны, у духовиков трости, — то они пусть и с трудом, но все же могут достать и хорошие струны, и хорошие трости. Но если что-нибудь случается у певца со связками — он уже калека.

Не хочется заканчивать разговор на такой грустной ноте, но что делать: есть вопросы, которые надо решать...

В. ОРЛОВА